

Sthlm : Almqvist & Wiksell International, 1997.

9. Tiberг N. *En söden från Gammalsvenskby i historisk belysning*. – Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag i distribution, 1932.

10. Hyrenius H. *Estlands svenskborna: Demografiska studier*. – Lund: C.W.K. Gleerup, 1942.

11. Russwurm K. *En svensk folkspillra Gammal-Svenskbyborna: Utvandrarne Svenskarnes utvandring från Dagų er 1781*. – Stockholm: Ernst Wessmans Bokförlag, 1925.

12. Hoas K. *Gammalsvenskby*. – 54 s. // Riksarkivet (Stockholm, Sverige). *Gammalsvenskbykommitten II. Juli 1929 – febr. 1930*, Mel: S III 13.

13. Utas J. *Svenskbyborna. Historia och utde från trettonhundrade till nu*. – Visby: Gotlands Allehandas Förlag, 1982.

14. *Gammalsvenskbydokument / utgivna av Aleksander Loit och Nils Tiberг*. – Uppsala : Lundequistska bokh., 1958.

15. Лойт А. *Переселение шведов из Эстонии на Украину в конце XVIII века // Скандинавский сборник. Вып. – 32*. – Таллин: “Ээсти раамат”, 1988.

16. Малицька Ю.Г. *Шведське населення на Півдні Російської імперії: передумови, причини та хід міграції // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету ім.Т. Шевченка*. – Випуск 52. Серія: історичні науки. – Чернігів: ЧДПУ, 2008.

17. Hedman J., Ehlander L. *Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina: Dialogos*. – Stockholm: Förlaga upplagan, 2003.

18. Хонне Й. *Эстонские шведы*. – Режим доступа: http://www.sweden.se/upload/Sweden_se/Russian/publications/pdf_2004/The_Estonian-Swedes_in_Russian.pdf

Д. Овчаров
О. Ожегова,

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МИФЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. Историческая память „хранит” факты, имена, даты, воскрешает события, создающие социокультурную проблему „что помнить – что забыть; чем гордиться и чем терзаться” – проблему трансляции ценностей и антиценностей.

Какова связь между прошлым и настоящим, что на уровне обыденного сознания, повседневной мифологии может укрепить интерес к прошлому, но и посеять сомнения относительно достоверности и ценности исторической памяти? Почему, не взирая на любые исторические перипетии, сохраняется содержательное ядро общественных социокультурных предпочтений?

Междисциплинарные исследования специфической формы общественного сознания, охватывающей само „знание”, понимание и

отношение людей к историческому прошлому, ее взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и возможному отражению в будущем, позволили сформировать представления об исторической памяти, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяют намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения обыденных и общественных проблем [1].

При отсутствии методологического единства по поводу того, что же такое историческая память и повседневная мифология, склоняемся к убеждению, что историческая память это – определенным образом сфокусированная система представлений о прошлом, которая отражает особую значимость и актуальность исторической информации „здесь и сейчас”. Повседневная мифология – особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление об явлениях природы и общественной жизни. Миф насыщен интуитивным содержанием; „рассуждающая мысль” – это сфера логоса [2, 14].

Повседневность рассматривается с различных точек интерпретации, но особое внимание уделяется моменту понимания того, что „повседневность” сложно поддается рефлексии. Повседневные социальные феномены – данность, предстающая как видимая, но не замечаемая на уровне обыденного сознания. Повседневное – это нечто привычное, близкое, упорядоченное. Понятно, что человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т.е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В этой же среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и во внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция.

Изучение повседневной мифологии сложно оснащено в методологическом отношении, так как невозможно обойти ни дисциплинарные порядки, ни „душевные структуры”. На наш взгляд, именно научная рефлексия повседневности продуцирует эвристические способы социально-исторического анализа, способность к пониманию и объяснению социальной реальности, оказывается востребованной для экспертизы и терапии индивидуальных личностных проблем.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных, возрастных групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти „странности” могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная мифология – область, связанная с анализом практик, взаимодействий и культурной организации повседневной жизни.

Авторская позиция заключается в том, что в исторической памяти мы видим источник эмоциональных и психологических переживаний, создающих повседневную мифологию. Повседневная мифология – особый эмоциональный канал сопричастности с прошлым. Повседневная мифология начинается с факта, в нашем случае, исторического.

Задача данной статьи – проиллюстрировать проявления повседневной мифологии, связанной контекстуально с исторической памятью о

религиозном бытии России и появлении концепта „сектант”.

Авторское исследование основано на случайной бесповторной доступной выборке респондентов – жителей г. Саратова. Данные являются источниками личного происхождения, поэтому в строгом классическом смысле не обладают репрезентативностью. Но отсутствие этого свойства выборки, на наш взгляд, не отменяет возможности качественного анализа полученных результатов.

На начальном этапе сбора эмпирического материала для получения информации, ориентированной на достижение заявленной цели, было проведено полуструктурированное пилотажное исследование. На вопрос „сектанты” – кто они?” (в % от числа опрошенных (апрель 2009 г., г. Саратов), N = 100 человек (по доступной выборке)), самым распространенным был ответ „затрудняюсь” – 64%. 21 респондент „сектантами” считают всех неправославных, а именно: люди с белой кожей, рыжие, в черном костюме и белой рубашке, которые картавят, плохо говорят по-русски. (Мы умышленно сохраняем все нарративы повседневной речи респондентов, это, на наш взгляд, придает особую фактурность мифологичности сознания). Оставшиеся 15 респондентов (соответственно 15% опрошенных) на вопрос „кто такие сектанты”, утверждали: убогие, замкнутые, но обшительные и пристающие к нормальным людям.

Очевидно, что заявленное равнодушие к вопросу свидетельствует об отсутствии саморефлексии по этноконфессиональной проблематике. Повседневная мифология обеспечивает приспособление традиционного менталитета к изменяющейся ситуации, но в терминах нового дискурса и в направлении других „священных” объектов. Получив эти данные, мы предположили, что ментальный план исторической памяти функционирует так же как мифология повседневного сознания.

На наш взгляд, менталитет – это социально-психологическое свойство группового субъекта, а ментальность – это состояние субъекта. Ментальность более изменчива, а менталитет менее динамичен, он статичен и фундаментален. Если архетип определяет менталитет, задает ценностную легитимизацию поведения на уровне повседневности, то возможно ли через оппозицию „сектант-православный” выявить реально функционирующее сознание, выраженное в позициях конкретных людей?

Обращаясь за информацией к акторам-носителям „исторической памяти”, естественно неизбежно исследовательское „прикосновение” к весьма причудливому сочетанию некоторых научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России и истории церковного раскола в частности. Так как исследование вплотную связано с проблемами личностных значений, субъективного восприятия людьми исторического прошлого, то мы предположили, что в сознании людей эти образы обладают размытыми, аморфными очертаниями. Тем не менее, оппозиция „сектант-православный” отражает определенный набор характеристик и оценок, стереотипно выделяемых респондентами в отношении к искомым нами образам. В этой связи наша задача заключалась в том, чтобы по возможности более полно собрать такого рода субъективные представления и выявить на их основе те характеристики, оценки и свойства изучаемой оппозиции, которые выделяют респонденты.

Исходя из этого, возник вопрос о методах, способных обеспечить доступ к личностным конструктам респондентов. Именно поэтому мы обратились к методу „неоконченных предложений”, так как предположительно его применение дает наибольший эффект как раз в тех исследованиях, где возникает необходимость выявления субъективного восприятия человеком социальной реальности, личностных смыслов индивидов, стереотипов, образов, эталонов, ценностных ориентаций людей и т.д. При этом вербально выраженные реакции респондентов на первую часть предложений составляют ту базу, на основе которой можно будет выявить основные характеристики типов образа.

Основной специфической особенностью этого метода является сложность получения с его помощью репрезентативных данных, что следует учитывать при проведении исследования. Это своего рода недостаток – основной минус большинства „мягких” методов. В данном случае, как отмечает, например, С.Г. Климова, из-за вероятности проявления практически неограниченного количества вариантов ответов многие обобщенные показатели либо очень малы, либо вовсе существуют в единственном числе. Количественные характеристики (например, всевозможные абсолютные и относительные частоты каких-то феноменов) поэтому весьма нестабильны и нерепрезентативны [3, 13 – 22], что ограничивает сферу применения метода.

Методологи считают, что проективные вербальные техники должны исключать длительные размышления. Наш опыт свидетельствует о том, что некоторые респонденты весьма агрессивно восприняли просьбу закончить предложения, так как смысл задания оказался от них сокрыт сложностью и необычностью формы. Их реакция выразилась так: „Чушь какая-то!”, „А, это из истории?”, „Все врут!”.

Следующая малочисленная группа – это респонденты осторожно вопрошающие: „Это еще для чего? Неизвестно, что завтра в стране будет, отвечать не стану!”.

Всего два респондента изъявили желание „хорошенько подумать, так как интересно и неоднозначно”. Около половины респондентов сообщили, что „на ум ничего не приходит, хоть историей и интересуются, но церковная история их не волнует, так как много лжи и всякой чепухи”.

На основе выделенных элементов и компонентов происходила реконструкция образа „сектанта” и образа „православного” в целом. Следующий этап анализа состоял в сравнении образа „сектанта” и образа „православного” для различных респондентов на основе частоты встречаемости элементарных обоснований и элементов.

Опуская явные логические несовпадения и элементарные ошибки, в ходе анализа мы выделили тип образа „сектанта” и тип образа „православного”, что в свою очередь составило тип оппозиции „сектант-православный”. Его в строгом смысле даже оппозицией назвать нельзя. Респонденты или гордятся и любят „православных”, так как это „родная история, родные люди, наши, хорошие, они всегда за Россию”; либо сочувствуют „сектантам”, так как „глупенькие, беззащитные, рассказывают всем о своем Боге, над ними все смеются, грубят им, а они даже ответить не могут”.

Выстроенный в итоге тип образов и оппозиции, безусловно, является

конструктом, который представляет собой сильно ограниченную модификацию, подтипы, которые отличаются друг от друга различной степенью выраженности того или иного элемента, но, тем не менее, в большинстве вариантов, вне зависимости от типа „оппозиции» прослеживается единение по эмоциональному заряду.

Итак, вне зависимости от возраста, пола, социального статуса и, даже личных симпатий респонденты в основной массе своей, не имея скольких-нибудь точных знаний о происходивших событиях церковного раскола, о генезисе концепта „сектант” все-таки „узнают” персонажей отечественной истории. Это могут быть образы исторической эпохи на индивидуальном уровне, точки зрения, версии, взгляды, порой даже просто мнения. Здесь историческая память не выходит за рамки жизненного пространства личности, создающей и одновременно существующей в повседневной мифологии.

Традиционные представления о тех или иных областях жизнедеятельности позволяют человеку заполнить белые пятна при составлении „навигационной карты” пространства жизненного мира. В человеческом сознании не представлены объекты, не имеющие семантического символа. В процессе познавательной деятельности происходит не просто получение информации, но ее переживание, интериоризация, которая выражается в присвоении маркера слова, языковой единицы. Почти сто лет тому назад Л. Витгенштейн заметил связь границ мира и границ языка [4], то есть, то чего нет в личностном тезаурусе, того не существует в воспринимаемом мире. И наоборот то, что уже есть в личностном тезаурусе, присутствует как усвоенный социальный опыт.

При конструировании собственной социальной реальности невозможно использовать весь социальный опыт, но его можно учесть, заполнив „белые пятна” информацией, доступной как стереотипное представление. Когда исчезает объект, связанный с представлением, то возникает миф, который может храниться в общественном сознании сколь угодно долго, транслирующийся всякий раз, когда используется семантический символ, прямо или косвенно ассоциирующийся с ранее существовавшим объектом.

Подобным образом организована в сознании россиян конструкция религиозной структуры общества. Семьдесят лет атеистического режима создали удивительно ровную понятийно-смысловую поверхность. Есть вербальные категории, есть и материальные объекты, казалось бы, соответствующие этим категориям. Однако, если исследовать конструкт „сектант-православный” как бинарную оппозицию, то обнаруживаются мифы-стереотипы, ничего общего не имеющие ни с теми ни с другими.

1. Тощенко Ж. Т. *Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния.* // *Новая и новейшая история.* – 2000. – №4

2. Пивовев В.М. *Мифологическое сознание как способ освоения мира.* – Петрозаводск, 1991.

3. Климова С.Г. *Стереотипы повседневности в определении „своих” и „чужих”* // *Социологические исследования.* – 2000. – №12.

4. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат.* – М., 1958.